

29.08.03, 15:00

Борис Жutowский не только известный живописец, график, фотограф, а теперь еще и мемуарист, но и автор большой галереи портретов — около трех сотен — тех, кто уже вписан в нашу с вами недавнюю историю. Беседу с ним я начал с вопроса: по какому принципу он отбирал героев своей серии?

— Любопытство и близость: я рисовал или близких мне людей, с которыми жизнь прожил, или действительно любопытных людей времени, эпохи, города, если удавалось до них, что называется, достучаться. И только с натуры.

А с чего все начиналось?

— В 1970 году я отдыхал вместе с Борисом Слуцким. Говорил про жизнь, и он сказал: «Боречка, время надо рисовать, чего вы валяете дурака?». Я говорю: «Ну так садитесь, Борис Абрамович».

А много лет спустя Фазиль Искандер сказал: «За то, что ты меня рисуешь, подарю название твоей серии: «Последние люди Империи»».

— Неудивительно, что в этой галерее довольно много художников, писателей, что там есть такие видные политики, как Хрущев. Удивляет портрет, например, выдающегося шпиона Судоплатова...

— Так складывались обстоятельства. Как, например, судьба свела меня с Хрущевым? Это уже довольно известная история — скандал в Манеже в 1962 году.

У меня там висели четыре картинки в разных углах, и Хрущев вынесло на них. На четвертой он уже: «А-а, это опять ты...». Так я оказался замеченным, а потом меня вставили в доклад Хрущева по поводу всех этих событий. И я получил, что называется, печать на задницу, вексель, который должен был с годами оприветствоваться, потому что я стал публичным человеком с определенной репутацией...

— Всего, что сказал Хрущев в Манеже по поводу работ Жutowского, воспроизвести нельзя. Но ведь потом ты его рисовал с натуры?

— Моя покойная жена в то время работала в АПН, в редакции теленовостей. Эту редакцию создали, чтобы дать работу человеку, который едва не начал третью мировую войну. — Большакову. Когда после Карибского кризиса стало очевидно, кто такой Большаков, какова его роль, он был в 24 часа изгнан из Соединенных Штатов. В Москве решили его трудоустроить. Работать он не умел, но умело интриговал — это была его профессия. В редакцию напихали несметное количество начальственных детей: сын Круглова (министра МВД при Хрущеве), дочка Фурцевой. Моя жена там была «рабочей лошадкой», замом главного редактора.

Там я познакомился с внучкой Хрущева. Мне его после 1962 года стало жалко. Начиная жалеть после 1962-го, но уж после 1964-го — безус-

ловно. Я посылал ему через внучку на день рождения небольшие подарочки, а он мне в ответ — свои рассказы, лукавые, но интересные. Например: вся история 1962 года, с его слов, была затеяна Ильичевым, который хотел из членов ЦК стать членом Политбюро, для чего и была затеяна вся эта идеологическая канитель.

В какой форме он присылал тебе эти рассказы?

— Передавал через внучку, она мне их старательно пересказывала. Вся эта история доигралась до того, что в один прекрасный день Хрущев позвонил мне и пригласил на день рождения. Это был последний его день рождения. Мы поехали к нему на дачу.

А перед этим на Западе вышли его воспоминания. Моей жене, знающей английский язык, дали эти воспоминания на несколько дней: чтобы она прочитала и по-русски написала краткое резюме для высших начальников, которым важно было знать об этом, но читать самим не было ни времени, ни умения. Я всю дорогу до дачи ее уговаривал: сделай милость, задай вопросы по этой книжке. Она очень боялась, но задала несколько вопросов: о Харькове, о Власове, о финской войне. Может быть, еще были, но я помню только эти три. И он ответил.

Потом она мне сказала: «Один к одному, как в книжке». Из чего стало понятно, что книжка наговорена именно им, он ее автор.

Приехали мы к нему на дачу рано, часов в девять утра, и провели там часа четыре. Очень скромный был завтрак, скромный обед, а потом мы гуляли. Я ему говорю: «Никита Сергеевич, можно я, во-первых, вас пофотографирую, а во-вторых, сделаю набросок для вашего портрета?». Он говорит: «Да ради бога!». Сел на лавочку в накидке такой суконной, теплой. «Это, — говорит, — мне де Голль подарил».

Я сделал несколько набросков, а потом приехал домой и дорисовал этот портрет. Когда мы с Хрущевым прощались, он мне сказал: «Ты уж на меня зла не держи, я ведь как попал туда, не помню, кто-то меня туда завез. И волят меня там, и кто-то из больших художников говорит: «Сталина на них нет!». Я на него так разозлился, и стал кричать на вас, а потом люди этим и воспользовались».

Как пишут биографы художника, «после не слишком благожелательного хрущевского отзыва» 1962 года для Жutowского была закрыта всякая возможность участия в выставках в СССР. С

другой стороны, скандальная «рецензия» Никиты Сергеевича способствовала бурному промоуину работ художника за границей. С 1964 работы Жutowского экспонируют в Финляндии, Канаде, Италии, Чехословакии, Польше, Германии, Испании, Франции, Англии, США. Через пять лет его даже приняли в Союз советских художников.

Но в СССР работы его еще долго не выставлялись, разве что в 1979-м на полуофициальной выставке на Большой Грузинской в Москве. В то же время он много работал в разных жанрах — и как книжный график, и как живописец. И всюду уже шла работа над «Последними людьми Империи».

— Из своих 70 лет 65 живу в одной и той же квартире, в од-

Хозяева дома потом сказали: «Это жена Павла Анатольевича Судоплатова, заместителя Лаврентия Берии, и он теперь сидит в тюрьме». «А как же это случилось?» — «Он порядочный был человек, интересный, милый, и когда произошла вся история с Берией, Судоплатов впал в летаргический сон. Когда он проснулся, то узнал, что его за это время оболгали. Его осудили и посадили»...

Вот такая была легенда. Эмма Карловна — одесская еврейка, бывший полковник того же самого НКВД—КГБ — вела отважную жизнь! У нее были двое сыновей: один приемный, один свой. Она шила платья, зарабатывала деньги, посылала посылки во Владимирскую

Харькове работал и каждые выходные ездил в Одессу, за Эммочкой ухаживал. Однажды приезжаю из Одессы в понедельник, а мне говорят, что в городе объявилась антисоветская группа и расклеивает листовки. Мы сразу поняли, что листовки написаны от руки молодого человека, потому что в слове «буржуазия» было три ошибки. Мы быстро нашли этого молодого человека и тех, кто его вдохновлял, и доложили по начальству. У нас тогда начальником был Косиор, может быть, вы слышали это имя?» — «Конечно, слышал».

— «Косиор выслушал нас и говорит: «Ну, с теми, кто вдохновлял, разговор короткий. А молодого человека не трогать».

дел в одиночке, его все-таки выпустили, и он быстро из органов уволился. К тому времени окончил институт автомобильных шин в России. Очень приличный был и достойный человек.

Я помню, как он к нам приезжал. Обязательно с бутылкой водки, мамке отдавал пистолет, та его прятала в стол, он выпивал свою бутылку, наливал ванну холодной воды и ложился в нее спать до утра. Утром вставал как огурец, брал пистолет и уезжал. Это он так отдыхал. В один из его приездов я его спрашиваю: «Только, скажи, кто такой Судоплатов?». Он посмотрел на меня белыми глазами: «Супер».

Борис Жutowский — о Хрущеве, Судоплатове, Зиновии Гердте и других «последних людях Империи»

СНАЧАЛА ВРЕМЯ ПОТОМ — ЕМУ

ном и том же доме, в одном и том же дворе. Поэтому публика, которая крутилась там на протяжении моей жизни, — все друзья, приятели, знакомые. Один сосед был одесский вор Рома, ныне покойный, мошенник, восемь судимостей.

Когда я попал в аварию в 1975 году, то в больницу — в Симферополе это случилось — он через день присылал посылки, набитые шоколадом, икрой. Мне было крайне неудобно. Я пишу ему: «Рома, ты с ума сошел!». Он отвечает: «Я понимаю, ты жрать не будешь, но докторов надо кормить».

Роскошный был парень, купил себе должность журналиста в одной из московских газет. У меня висит его фотография в мастерской, где написано: «На память Бори от Ромы». А один из моих знакомцев был в юности вором в законе, а стал заместителем заведующего отделом ЦК партии.

— Расскажи об истории портрета Судоплатова.

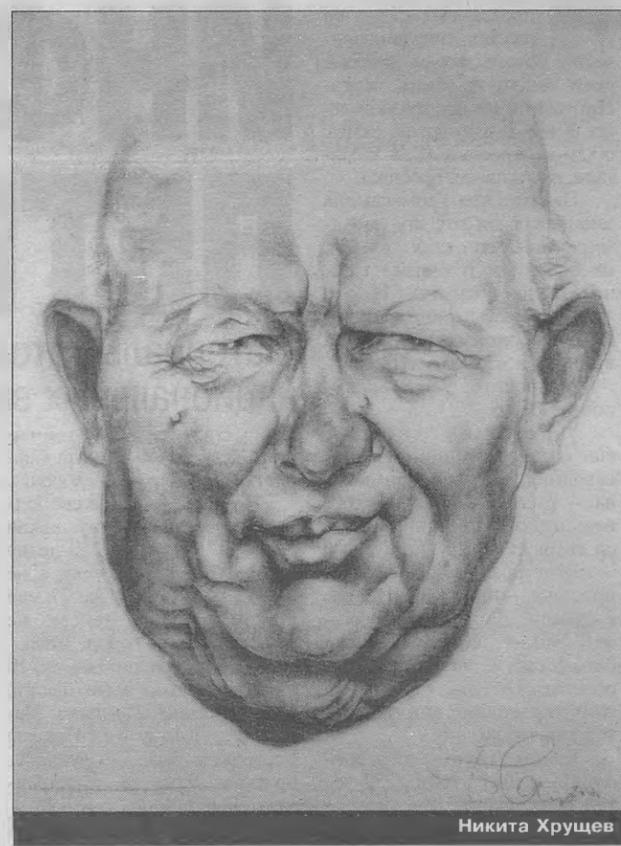
— Абсолютно невероятное стечение обстоятельств. В один прекрасный момент, придя домой к моему школьному приятелю, я встретил очень красивую, с хрипотцой, остроязычную даму — Эмму Карловну.

Много лет спустя, когда Судоплатов вышел из тюрьмы, он стал заниматься литературой, переводил для Детгиза книжки — без всякого высшего образования, но он знал польский, молдавский, украинский. Книжки свои он дарил всем: у меня есть одна или две, с дарственной надписью.

И вот в 1983 году я позвонил матери моего приятеля, которая продолжала с ними поддерживать отношения, и говорю: «Анна Геннадьевна, а что если я нарисую портрет Павла Анатольевича Судоплатова? Все-таки уже молодой человек...». Она созвонилась с ним, тот немедленно согласился, и на следующий день или через день мы сели на машину и поехали к нему домой. Он тогда жил на улице Королева, недалеко от телецентра. Эмма к тому моменту была очень серьезно больна — болезнь Паркинсона. Я держал себя кулаком за все места, лишь бы чего лишнего не ляпнуть, потому что при моей трепливости это могло быть безумно опасно.

Дом был странный, нелюдимый, неудобный, какие-то книжные полочки, на них засунуты фотографии, где Павел Анатольевич с курсантами школы КГБ в Киеве, с курсантами школы КГБ в Курске, несколько рисунков на стенках висят. Я говорю: «Какие любопытные картинки» (лукавил, конечно, потому что картинки были средние). Он говорит: «Ну это художник Щербачков. Наш человек». И я его спросил: «Павел Анатольевич, а не хотели бы вы написать про свою жизнь?». «Нет, — говорит, — это невозможно». Правда, потом оказалось возможным. Через какое-то время я объявил перерыв, и он пошел к Эмме Карловне. Она лежала в соседней комнате на кровати. Он прилежал с ней. (С Эммой Карловной у нас были дивные отношения, мы ездили к ней в гости в особняк Ягоды на улице Мархлевского. Когда он сидел в лагере, она еще продолжала жить в этом доме.)

Он лежал, лежал, потом говорит: «Вы знаете, Боря, у нас был такой случай. Я тогда в

Никита Хрущев

И вы представляете, Боря, молодого человека не тронули». Помолчал немножко: «Много было гуманного, много»...

— Когда ты его рисовал, ты понимал, что этот человек непосредственно занимался убийствами? Ты знал историю о Троцком, про Коновальца?

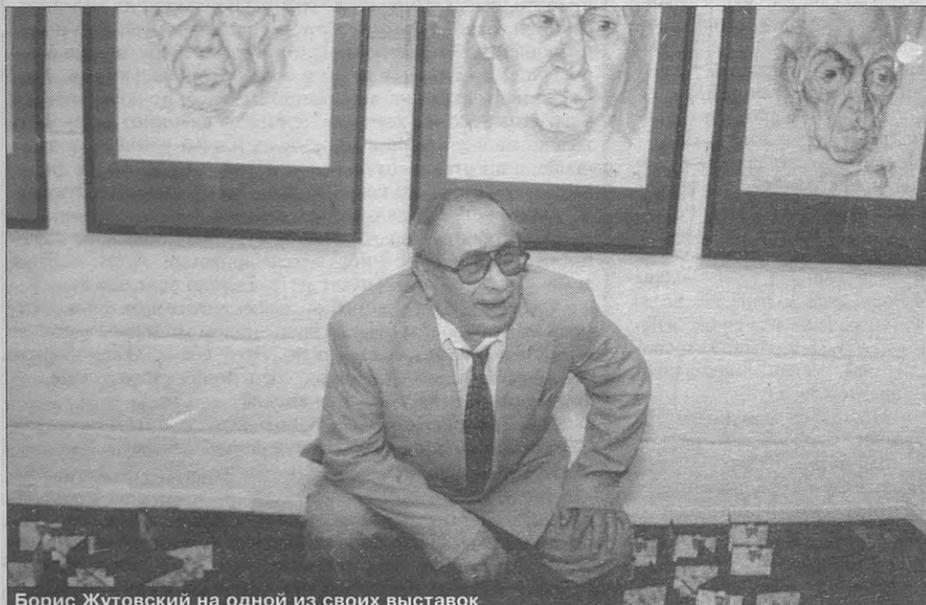
— Начну издали. Одним из моих ближайших любимых родственников был дядька Толя. Он воевал, был ранен, вернулся. Будучи уже раненым, сражался в войсках второго эшелона. После госпиталя пошел в военкомат на сверхсрочную службу, потому что мама его пухла с голоду, сапоги он перевязывал веревкой, это я сам помню. Закончил он свою карьеру военным секретарем у Лаврентия Берии. И оказался под ударом: когда Серов приехал обшаривать кабинет Лаврентия Берии — он как раз дежурил. Две недели потом отси-

бился. Чтобы духу твоего там не было». Но любопытство ведь сильнее, нарисовать такую фигуру в ту пору казалось мне привлекательным.

— Совершенно другой человек из этой галереи «последних людей Империи» — покойный историк Натан Эйдельман. Ты его тоже рисовал...

— Я не только его рисовал — я с ним учился в школе, с четвертого класса, мы с ним были приятелями и соседями на протяжении многих лет. Это была поразительная личность.

Его интересовало все — от Римской империи до нынешнего дня. Он обожал рассказывать о том, что вычитал. Причем, когда он рассказывал, появлялось ощущение, что с Плутархом он пил водку, а с Екатериной Второй занимался блудом и мешал ему в этом деле один из братьев Орловых,

Борис Жutowский на одной из своих выставок